

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ МИРОВОГО КРИЗИСА

Современный мировой кризис рассматривается с позиций исчерпания католическо-протестантской цивилизацией собственных духовных ресурсов экономического лидерства и экспансии. Экономическое развитие Украины связывается с укреплением её православной цивилизационной идентичности и превращением в один из новых институциональных центров формирования Большой Европы и Большой Евразии.

"Посмотри-ка на себя со стороны" – иногда советуют тому, кто ведёт себя неадекватно условиям или ситуации. На фоне мирового кризиса и учёные-экономисты, и экономическая наука выглядят не лучшим образом, а их рецепты не всегда отвечают сложности проблем и особенностям конкретных ситуаций. Последние потому и сложны, и особенны, что отнюдь не являются "всего лишь" экономическими. Самое время учёным-экономистам взглянуть на экономику и свои мысли о ней *со стороны*, а ещё лучше – с разных сторон. О чём идёт речь?

В дискуссиях о мировом кризисе, его причинах, особенностях, признаках, последствиях вполне резонно доминирует экономическая тематика. Как правило, кризис представляется, по преимуществу, стандартным, а поэтому и вполне объяснимым в терминах ортодоксальных рассуждений об экономическом цикле, провалах рынка, роли регуляторов, ремонте институтов и т. п. Даже осмысление его особенностей – вздутия "пузыря" деривативов, коварства секьютеризации, перколяции финансового рынка и т. д. – не выходит за привычные рамки. Не умаляя значимости собственно экономического содержания дискуссии, следует заметить, что признаваемый и обсуждаемый дискуссантами глобальный *характер* кризиса пока оставляет в тени его глобальный и цивилизационный *контекст*.

Так, с позиций неомарксизма одной из главных причин кризиса следует считать резко обострившееся и не имеющее адекватных форм движения противоречие между глобализирующимся обобществлением и соответствующим международно-общественным характером производства, с одной стороны, и корпоративно-капиталистическими формами присвоения его результатов – с другой. В связи с этим очевиден кризис глобального управления вообще и регулирования глобальной экономики в частности. Но разве в существующем *мировом цивилизационном устройстве* могли возникнуть иная экономическая глобализация и иное глобальное управление и регулирование? Риторический вопрос.

Концепции биполярного и однополярного мира, центра и периферии, мир – экономик, столкновения цивилизаций и т. д. способствовали заметному усилению интереса учёных-экономистов к цивилизационной проблематике. Однако, за редким исключением, последняя по-прежнему выносится за рамки экономического дискурса. Нижеследующие заметки представляют взгляд экономиста на кризисную экономику "со стороны" цивилизационного устройства мира и не претендуют ни на что большее.

Об экономической глобализации и экономике цивилизаций

Важнейшими составляющими и акторами современной глобальной экономики являются не только национальные экономики, ТНК, но и *экономики цивилизаций*. Поскольку цивилизации включают центральные и периферийные области, то, как правило, институционально они представлены и отдельными государствами, и менее солидарными межгосударственными образованиями. Известным исключением является лишь западная – католическо-протестантская цивилизация¹, сумевшая не только придать таким образованиям, как ЕС, НАТО, МВФ, МБРР, высокий уровень солидарности, имманентные именно ей, а не иным цивилизациям, черты, но и использовать их совокупную силу для цивилизационной экспансии.

В диалоге с иными цивилизациями доминирующими для неё стали идеологема избранности, исключительности и превосходства, экономический и военно-политический диктат, курс на активную вестернизацию – попытка преобразования иных цивилизаций по своему образу и подобию и в своих интересах. Несоответствие между её потребительскими запросами и ресурсными возможностями выживания населения незападного мира, между ареалами её экспансионистских устремлений и органичного существования иных цивилизаций на рубеже тысячелетий приобрело новые *антагонистические* формы: терроризм, экстремизм, обострение таких глобальных проблем, как нищета и голод.

Современный экономический кризис – это, прежде всего, кризис глобализировавшейся экономики западной – католическо-протестантской цивилизации, а также *свидетельство обострения кризисных процессов в самой западной цивилизации*. Глобальная экспансия западного корпоративно-олигархического капитала, стремление к наживе, невзирая на моральные и правовые нормы принимающих стран, обернулись фундаментальными нарушениями баланса капитализации и социализации на самом Западе. Некогда брошенный бумеранг вернулся. Претензии глобальной капитала на тотальное подчинение экономики знаний и эксплуатацию творческого труда оказались чрезмерными, а уровень маркетизации общества – угрожающим. На этом фоне неслучайно стали едва ли не доминирующими такие формы асоциализации, как примитивный потребительский вешизм, рафинированный утилитаризм, псевдоэлитаризм, масскультура, бездуховность, андерграунд и т. п. И хотя указанные процессы в меньшей мере присущи европейскому ареалу западной цивилизации, чем североамериканскому, очевиден их экономический и цивилизационный деструктивизм, глобальная токсичность. Неудивительно, что западный образ жизни становится всё менее притягательным для большинства населения незападного мира, а его претензии на универсальность – всё менее легитимными. Всё более очевидными становятся *признаки истощения Западом собственных цивилизационных ресурсов*, прежде всего, духовных и социальных, *мирового экономического лидерства*. Подобное лидерство цивилизации с отнюдь не выздоравливающим духом – явление неустойчивое и временное. Дальнейшие военно-политические меры для его удержания могут лишь усугубить межцивилизационные конфликты. Претензии же на мировое *политическое и культурное* лидерство выглядят чуть ли не эфемерными.

¹ Строго говоря, *христианская цивилизация* является противоречивым единством двух *субцивилизаций* – западной – католическо-протестантской, и восточной – православно-евразийской. Наименование восточной субцивилизации как православно-евразийской призвано подчеркнуть её православную доминанту, а также многонациональность и поликонфессиональность, наличие важных исламских и буддийских регионов.

Цивилизационным ответом на вызовы экспансии Запада стало поступательное развитие исламской экономики, конфуцианской и экономики индуизма. В исламской экономике сопоставимые масштабы кризиса заметны меньше, чем на Западе. В Индии и Китае продолжается экономический рост. Разумеется, это не случайно. Дело не столько в незавершённости процессов их индустриализации, менее развитых финансовых рынках, известных ограничениях крупного капитала и т. п., сколько в *преимущественной адекватности указанных экономик их собственным цивилизационным основаниям* и достаточно скромной вестернизации. По поводу их видимой прозападной рыночно-капиталистической ориентации нельзя обманываться. В её основании – иные институциональные конструкции, особые цивилизационные ценности и императивы, которые во многом не идентичны, а в чём-то противоположны тем мировым стандартам, которые заданы западной цивилизацией и которые уже неадекватны изменившемуся миру и глобальной экономике. Нет сомнений в том, что вслед за ростом мировой значимости экономик настойчивые претензии на *глобальное* признание своих цивилизационно-экономических стандартов предъявят крупные страны Востока.

Таким образом, современный экономический кризис является неотъемлемой составляющей кризиса сложившегося глобального мироустройства, западной цивилизации и межцивилизационных взаимодействий. Он свидетельствует о *тупиковом характере абсолютизации и универсализации институтов какой-либо одной цивилизации*, пусть и наиболее экономически могущественной, *придания им статуса глобальных*. На весах новейшей истории пока ещё *полновесно* не представлен духовный и социальный потенциал различных цивилизаций. Современные институты глобального управления и экономического регулирования должны быть не только экономико-политическими, но и экологическими, социальными, духовными, не прозападными, но *межцивилизационными*.

Доказавшая свою неэффективность *прозападная иерархическая и экономико-центристская модель глобального управления и регулирования* должна уступить место принципиально иной модели. В этих условиях Запад оказался перед императивом приведения своих рыночно-потребительских устремлений в соответствие с собственными цивилизационными ресурсами, существенного ограничения масштабов экспансии. Как это ни покажется парадоксальным, но именно Запад должен не препятствовать, а содействовать назревшим переменам. Если он не станет их активным актором, то рискует стать их *объектом*. Уроки Римской империи нельзя оставлять не выученными. Результативный поиск и формирование принципиально новой модели вряд ли возможны в рамках G 8 или G 20. Необходимы иные форматы, сопоставимые с форматом ООН.

Сейчас трудно прогнозировать результаты дискуссий и практических действий. Можно лишь пожелать, чтобы *новую модель* отличали *синархическо-сетевой и универсальный характер*, наличие механизмов паритетного и согласованного регулирования глобальных универсальных (экологических, экономических, социальных, духовных и политических) процессов, гармонизации глобальных, цивилизационных, региональных и национальных аспектов устойчивого развития, обеспечения экологической императивности и генерационной эффективности глобальной экономики.

О срединности православно-евразийской цивилизации и её экономике

Характер и масштабы кризиса экономики православно-евразийской цивилизации убедительно свидетельствуют о рыночно-капиталистической направленности её эволюции и вновь обрётённой экономической циклич-

ности. Однако на этом фоне весьма симптоматична следующая *эмпирическая правильность*: олигархическо-капиталистическую экономику Украины постиг значительно более глубокий промышленный спад (со всеми вытекающими из него последствиями), чем госкапиталистические экономики Беларуси, Казахстана и России при сопоставимых масштабах сырьевой экспортной ориентации всех экономик, кроме белорусской.

С одной стороны, модель олигархического капитализма 90-х годов прошлого века стала столь же разрушительной для российской экономики, как и для украинской. Разумеется, на это повлиял импорт неадекватных политических и экономических институтов, токсичных антидуховных "ценностей". С другой стороны, недалекая история православно-евразийской цивилизации демонстрирует бесперспективность модели власти-собственности, её институтов и ценностей и в имперском, и в советском вариантах. Первая модель небезосновательно ассоциируется с либерально-рыночной экономикой Запада, прежде всего США и Великобритании, вторая – с традиционалистско-рыночной экономикой Востока. Но наша, православно-евразийская, цивилизация не является ни собственно Западом, ни собственно Востоком. Некоторые славянофилы, отечественные религиозные философы называли её *Востоко -Западом* и были не далеки от истины.

На мой взгляд, причины вековых экономических успехов нашей цивилизации следует искать в *неадекватности её экономической организации фундаментальным цивилизационным основаниям*. Впрочем, не только её экономическая, но и социальная, политическая организация нередко формировались по западным или восточным образцам. В свою очередь, указанная неадекватность является порождением *незавершённых процессов цивилизационной самоидентификации, коллективного осознания составляющими её народами её **срединности**, срединного пути*.

О чём идёт речь? Восточные цивилизации седой древности, средневековья и наших дней во многом уникальны. Но их особые колорит и идентичность, общность и преемственность, своеобразие межцивилизационных связей образуют основы особого сплава – **восточного типа эволюции человечества**. Элементы **западного типа эволюции человечества** присутствуют и в восточных цивилизациях, и вне их с древнейших времён, но своим появлением в качестве самостоятельного образования на просторах Римской империи, распадавшейся и не являвшейся собственно западной, он обязан подлинным пионерам собственно западного пути – языческим североевропейским племенам.

Мы являемся свидетелями десятого столетия экспансии Запада. Особенно интенсивной она становится в связи с овладением им орудиями капитала и преследованием цели переделать мир в соответствии с собственными интересами и желаниями. Один из самых очевидных результатов экспансии – вестернизация восточного мира, появление и укрепление в его недрах западных или прозападных анклавов. Очевидна и другая тенденция: вестернизируя Восток, сам Запад истернизируется. В монолите Запада уже существуют анклавы Востока.

Столкновение волн истернизации и вестернизации порождает множество институтов и форм. В зависимости от характера их бурления результаты могут быть ассимиляционными, симбиотическими, коэволюционными, коммуникативными, эпигенетическими, но не чисто западными или чисто восточными. Характерные для них смешанность, симбиотичность, переходность экстенсивно охватываются более общим понятием "срединность". Не медиационность как антитеза инверсионности, а именно срединность.

Срединные – гетеродоксные – институты и формы присутствуют рядом с ортодоксальными западными и восточными в обоих типах эволюции человечества. Но они могут и должны быть представлены и как неотъемлемые составляющие особого, относительно самостоятельного **срединного, интеграционного типа эволюции человечества**. По-видимому, как целостность он начал оформляться в недрах Крито-Микенской цивилизации, а затем его историческую эстафету несли Древняя Греция, Древний Рим, Византия, общеславянское царство, Киевская Русь и далее – православно-евразийская цивилизация с присущими ей и сменяющимися друг друга государственными образованиями.

Роль срединного пути уникальна. С его помощью и в нём самом универсум пытается смягчить и преодолеть собственную раздвоенность, найти адекватные себе органично-интеграционные формы и таким образом вновь самоидентифицироваться, стать самим собой. Очевидно, для этого срединный путь должен стать не менее органичным и динамичным, чем западный или восточный. Падение Римской империи, гибель Византии и Киевской Руси, трагическая судьба России, распад СССР, многовековая разобщённость украинских земель свидетельствуют о том, что ему свойственны доминантная неорганичность, трудное вызревание развитых срединных форм из форм примитивных и неорганичных. Военно-политические и административно-государственные скрепы протосрединных обществ (в том числе евразийских), даже освящённые религией и идеологией, не выдерживают напряжения столкновений на их пространствах восточных и западных волн, ибо органичные собственно срединные формы, хотя и накапливаются, но не являются пока господствующими.

Срединный статус Беларуси, России и Украины заложен в славянстве, которое благодаря факту и месту своего рождения в I и II веках в бассейнах Западной Двины и Вислы стало средоточием и носителем универсумных генов экспансии на Запад и Восток, Север и Юг. Уже с самого начала оно оказалось в водовороте восточных и западных течений и волн. Мощной движущей силой истории восточных славян и Украины является неклассическое противоречие западных, восточных и "почвенных" влияний. В разные времена их доминанты менялись, но "почвенность", как собственно срединность, хотя и обогащалась, всё же не становилась ведущей, всякий раз захлебываясь в восточных или же западных волнах.

Почему? Возможно, потому, что терпимость по отношению к множественности укладов жизни, верований, этнических традиций и взаимообогащение на этой основе разных культур всё ещё не породили достаточно влиятельных культурных синтезов и высшей культурной синергии Востока и Запада. И потому, что на смену восточнославянской инверсионности, в противовес западной рационалистичной медиационности, ещё не пришла новая гармония не только веры и знания, но сознательного, бессознательного и подсознательного начал человеческой природы и духа. И потому, что народы Беларуси, России и Украины ещё не осознали себя *объединителями двух миров, составляющими срединного мира*, который призван стать средоточием, диалектическим синтезом и снятием волн вестернизации и истернизации, адекватным новым глобальным вызовам современности.

Особость и сложность геоинституционального положения Украины состоит в том, что на протяжении семи столетий её разные земли являлись *институциональной периферией* для двух мощных и отличных друг от друга *институциональных центров*²: западноевропейского (католиче-

² Институциональный центр выступает продуцентом и донором базовых цивилизационных институтов, институциональная периферия – реципиентом тех из них, которые призваны оформить и укрепить её ведомое и зависимое положение. Центр – активный субъект институциональной экспансии, периферия – её пассивный объект.

ско-протестантского) и российского (восточно-православного). В условиях независимости она остаётся в сфере их активного, во многом центробежного воздействия и находится перед сложным выбором своего будущего статуса: институциональной периферии или нового институционального центра срединного мира.

Нужно признать, что, хотя срединный мир пока не достиг мощи, сравнимой с западным или восточным, в начале нового тысячелетия он всё же заявил о своих способностях выживания и возрождения. На "великой шахматной доске" намечаются новые конфигурации. Мировой экономический кризис обнажил вероятные *пределы экспансии* Запада, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Разумеется, это не исключает дальнейших попыток расчленения православно-евразийской цивилизации и ассимиляции её "расколов". Поэтому принципиально важны солидарные, согласованные усилия государств и народов по *консолидации, укреплению многоликого единства "духа и тела" нашей цивилизации*. В частности, необходимы поиск и актуализация органичных, *срединных* институтов, которые бы, *во-первых*, были адекватны особым "почвенным" институтам её различных ветвей и анклавов; *во-вторых*, обеспечивали их комплиментарность, созвучие и синергию взаимодействий; *в-третьих*, гармонизировали с институтами иных цивилизаций, были, в хорошем смысле, активно экспансионистскими, обладали конкурентоспособным адаптационным потенциалом.

Масштабы вестернизации и истернизации должны определяться условиями укрепления цивилизационной идентичности и мощи. В связи с этим равно деструктивными представляются как имперские, так и националистические рецидивы. Взаимное же содействие укреплению суверенитета православно-евразийских государств способно лишь повысить уровень органичности их срединных институтов. Очевидно, время каких бы то ни было *надгосударственных* образований ещё не пришло, а различные *межгосударственные и межстрановые* структуры желательно создавать лишь при условии их императивной и не конъюнктурной востребованности *каждой* из заинтересованных сторон.

На мой взгляд, нужно остерегаться слепого копирования в творении *особых* цивилизационных институтов *демократии*. Они должны питаться не столько из католическо-протестантских источников, сколько вековыми традициями евразийских народов, православия и иных евразийских религий, их взаимной толерантности и диалога.

Неуместными представляются всякие попытки государств, даже продиктованные благими намерениями, влиять на внутрицерковные процессы, будь то центростремительные или центробежные. Гораздо важнее споспешествовать *умножению православной духовности* как главной в современных условиях несущей конструкции православно-евразийской цивилизации. Эту конструкцию способны реально укрепить не действия государственных мужей, а слово Божие для *верующих*, их понимание особенности форм организации церковной жизни в различных странах как дополнительного свидетельства единосущности и общности фундаментальных постулатов православной веры. *Неверующие* могут обрести веру. В противном случае они должны иметь свободный доступ к *секуляризированным* интеграционным институтам, которые бы были результатом осознанных усилий общественных организаций, граждан, деятелей науки и культуры, духовных лидеров и в наиболее полной мере отвечали содержанию ценностей, общих для разных религий.

Мировой опыт свидетельствует, что *экономическое единство* цивилизационного пространства-времени обеспечивается не лозунгами, а кропотливым налаживанием разветвлённой производственной специали-

зации и кооперации, межрегионального сотрудничества, настойчивым продвижением к зоне свободной торговли и далее – к таможенному союзу, общему рынку, экономическому и валютному союзу. Указанные интеграционные усилия должны, с одной стороны, опираться на собственные цивилизационные ресурсы, а с другой – обеспечивать более высокий уровень сложности самоорганизации и внутренних цивилизационных взаимодействий в сравнении с внешними и таким образом наращивать превышение экспорта экономической энтропии над её импортом. Важно в полной мере оценивать *неоднозначность* ряда *внецивилизационных* интеграционных усилий отдельных государств. Так, весьма привлекательная на первый взгляд интеграция Украины в ЕС предполагает практически безоговорочное подчинение существующим католическо-протестантским институтам, сформированным *без участия* Украины, а потому – угрозу ущемления духовной идентичности и потери значительной части государственного суверенитета.

Напротив, *внутрицивилизационная* интеграция предполагает совместное и равноправное формирование консенсусных интеграционных институтов, значительно снижающих риски обретения роли "младшего брата". С цивилизационно-институциональных позиций Украина обладает уникальным историческим шансом стать *одним из новых институциональных центров* укрепления православно-евразийской цивилизации, формирования Большой Евразии и Большой Европы как её органической составляющей.

Вступление Украины в ЕС с учётом украинской цивилизационной идентичности потребует реформирования последнего. По своему содержанию он должен стать не только западноевропейским. Вероятно, в ЕС понимают всю сложность подобного расширения и неоднозначность его последствий для развитых стран. Поэтому и не торопятся. С другой стороны, только время может показать, является ли СНГ для Украины приемлемым образованием, но шансы рациональной, выгодной для неё экономической интеграции со странами СНГ, близкими ей по социально-экономическим и духовным характеристикам, нужно использовать в полной мере. Диалектика такова, что эффективная западноевропейская экспансия Украины невозможна без активной экспансии в СНГ, без евразийской интеграции.

Неопределённость, сложность и опасность задач укрепления православно-евразийской цивилизации, утверждения её срединности не может останавливать тех, чьи сердца замирают при одной лишь мысли о расколе цивилизационного "духа и тела". Разве останавливали опасности наших предков, которые смело шли встреч солнцу, в надрыве сил осваивая бескрайние просторы, дремучую тайгу, свистящие ветрами степи и ледяные воды? Они оставили нам в наследство согретое их жизнями огромное цивилизационное пространство вовсе не для того, чтобы мы его потеряли!